

И [O] В [Ь] [ъ]
М [ъ] [ъ] [ъ]

И И

И (9) (6) 3

Н О В Ы Й М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIX

№ 11

Ноябрь, 1963 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ. Автобиографические высказывания В. И. Ленина (Март — октябрь 1917 года). Обзор составлен Б. Яковлевым	3
ПЕТРУСЬ МАКАЛЬ — Яблоня, Не хитрость..., стихи. Авторизованный перевод с белорусского Бориса Иренина	32
КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ — Книга скитаний, повесть. Окончание	33
И. ГРЕКОВА — Дамский мастер, рассказ	89
ВАДИМ ШЕФНЕР — Рисовавший на скалах, Погребение радуги, Бессонница, стихи	121
ВИКТОР НЕКРАСОВ — Новичок. Из блокнота	123
ВИКТОР ЛИХОНОСОВ — Брянские, рассказ	142
МОРИС КАРЕМ — Стихи. Перевел с французского М. Кудинов	146
Дж. Д. СЭЛИНДЖЕР — Голубой период де Домье-Смита. Перевела с английского Ю. Жукова	149

ПУБЛИЦИСТИКА

БОЛЬШАЯ ХИМИЯ. В. Азерников — Химия и плодородие. П. Волин — Полимеры в станкостроении	167
В. СМОЛЯНСКИЙ — Экономика и идеология	178

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

ОБ АРТЕМЕ ВЕСЕЛОМ. Анатолий Глебов — Молодой Артем. О. Миненко-Орловская — Мандат Артема Веселого. И. И. Подвойский — Он верил в народ. М. О. Пантюхов — Из воспоминаний. А. Костерин — «Слово должно сверкать»	191
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Т. МОТЫЛЕВА — В спорах о романе	206
АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ — В прекрасном и яростном мире (О рассказах Андрея Платонова)	227

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Ф. Светов. Утоление жажды.— Л. Лебедева. Рахманкулов боится здоровых людей... — Ст. Рассадин. Надо ли любить литературу? — Н. Коржавин. Образ Тютчева. — В. Герасимова. Звезды Севера. — А. Анастасьев. На прочной основе фактов.	235
<i>Политика и наука</i>	
В. Дмитриев, Е. Перовский. Парламент революционной Балтики. — Софья Виноградская. Сестра Ильича. — Л. Зак. Летопись современности. — С. Окунь. Ценный сборник. — В. Попов. Открытие континента.	254
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
ЕВГЕНИЯ ТАРАТУТА — Э. Л. Войнич и департамент полиции	268
КОРОТКО О КНИГАХ	279
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	286

АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ

★

В ПРЕКРАСНОМ И ЯРОСТНОМ МИРЕ

(О рассказах Андрея Платонова)

Андрея Платонова не стоит читать быстро. Он как бы сам не дает быстро читать себя: все время невольно останавливаешься, чувствуя потребность перечитать. Сам писатель признавал только неторопливое чтение. Вот что он говорит в своей статье «Пушкин — наш товарищ»: «Народ читает книги бережно и медленно. Будучи тружеником, он знает, сколько надо претворить, испытать и пережить действительности, что бы произошла настоящая мысль и народилось точное, истинное слово». И дальше: «...тайна произведений Пушкина... в том, что за его сочинениями — как будто ясными по форме и предельно глубокими, исчерпывающими по смыслу — остается нечто большее, что пока еще не сказано. Мы видим море, но предчувствуем океан... Это семья, рождающее леса».

Это прекрасно сказано именно о Пушкине, но в этом есть и что-то вроде замаскированного автопризнания о том художественном идеале, который стоял перед самим Платоновым, к которому он постоянно стремился.

Когда начинаешь припоминать один за другим рассказы Андрея Платонова, хочется не рассуждать о них, а попросту пересказать, но сразу понимаешь, что это почти невозможно. Свообразие и неожиданность их не в сюжете, а в подробностях и в том едва уловимом словесном искусстве, с которым самая обычная фраза вдруг поворачивается по-«платоновски». «Мать не вытерпела жить долго», — говорится в рассказе «Третий сын», и это нельзя пересказать, а можно только повторить. В чем секрет этой простой фразы? Может быть, в том, что за ней угадывается старинный, печально торжественный оборот: «Приказала

долго жить». Но главное в фразе то, что мать «не вытерпела». Или ее сила в сочетании одного с другим — привычного звучания почти обрядовой фразы, сообщающей о смерти, и житейски обыкновенного и одновременно взволнованного: «не вытерпела». «Фрося пробудилась; еще светло на свете, надо было вставать жить» («Фро»). «Светло на свете!» Любой литправщик немедленно покусится на этот оборот и будет, конечно, не прав. То, что может показаться неловким, непривычно, то есть негладко, сказанным, почти намеренно неуклюжим, тут, во всем контексте фразы, абзаца, страницы и всего рассказа, является и верным и точным, ибо это не «общее», а «платоновское». «Уехал — не умер, назад возвратится!» — говорит подруга Фро, жена ночного сторожа. И это неправильное «возвернется» вдвое сильнее, чем «возвратится» или «вернется». Это вовсе не речевой натурализм, хотя само слово, может быть, и подслушано писателем в жизни, и не надуманное словотворчество, как у А. Белого и его эпигонов. «Поговорила сейчас с тобой — как сестру двоюродную встретила...» — говорит дальше подруга Фро. «Как сестру» — это бытовой разговорный штамп; «двоюродную» — то живое «чуть-чуть», которое уничтожает этот штамп. Платонов знает, что каждый штамп — это вчерашний образ живой народной речи. Его язык не обесцвечен страхом перед этими штампами: он их не избегает, а смело поворачивает и неожиданным, но верным эпитетом и как бы неуместным и иногда почти комическим изменением смысла. «Пора! — сказали бойцы, и душа их тронулась болью и воспоминанием» («В сторону заката солнца»). «Я тоже уснул, пользуясь ненужным

временем, чтобы оно не проходило зря» («Маленький солдат»). «Мать говорила спокойно, только сердце ее мучилось» («Возвращение»). «Грустный сумрак ночи протекал за окном навстречу далекому утру» («Жена машиниста»). «Светило позднее солнце, нетеплое как звезда» («Третий сын»). «Ей уже не хотелось теперь жить, как прежде, со спрятанным, тихим сердцем» («На заре туманной юности»).

Я нарочно беру примеры словесных находок Платонова из разных рассказов, потому что, о каких бы людях и событиях ни рассказывал писатель, они все принадлежат к одному миру, тому самому, который он назвал прекрасным и яростным, к миру увиденному и воссозданному художником. Едва ли не самый удивительный по непритязательной естественности повествования, захватывающей читателя сильнее, чем самый ловкий литературный трюк, рассказ «На заре туманной юности» заканчивается так удивительно по-платоновски: «Она долго и терпеливо болела, но выздоровела, стала жить и живет до сих пор». Почти незаметным поворотом фразы, едва уловимым изменением ее ритма автор заставляет нас поверить в очевидность продолжающейся жизни полюбившейся нам героини рассказа Ольги. Все эти «находки» писателя просты, неброски, естественны и лишены какой бы то ни было стилистической позы: это брюлловское «чуть-чуть» или то, что Серов называл в искусстве «волшебной ошибкой».

Но никакое владение фразой не сделает рассказ жизненным, если автор видит только привычное, заурядное и не может нас поразить остротой и зоркостью наблюдения тех неожиданностей, которыми полна подлинная жизнь. Андрей Платонов вместе со своей Ольгой верит в то, «что жизнь не может быть скучна и обыкновенна, она должна быть волшебной, — похожей на истинное предчувствие ее, которое существует в детском или юношеском сердце» («На заре туманной юности»). «Отец остался один; он начал прибирать кухню и возиться по хозяйству, потом сел на корточки, открыл дверку духового шкапа, спрятал туда голову и там заплакал над сковородой с макаронами» («Фро»). «Он втайне прощался со всеми здешними предметами, обреченными существовать без него. Он обошел все ненужные дворовые вещи и потрогал их рукою: он хотел, чтобы предметы запомнили его. По детскому воспоминанию он

знал, что после долгой разлуки странно и грустно видеть знакомое место: ты еще с ним связан сердцем, а неподвижные предметы тебя уже забыли и не узнают, точно они прожили без тебя деятельную, разнообразную жизнь, а ты был одинок в своем чувстве и теперь стоишь перед ними незнакомым существом» («Счастье вблизи чело-века»). «Поп пришел с военной командирской сумкой на бедре; в ней он принес свои духовные принадлежности: ладан, тонкие свечи, книгу, епитрахиль и маленькое кадило на цепочке. Он быстро усталил и возжег свечи вокруг гроба, раздул ладан в кадиле и с ходу, без предупреждения, забормотал чтение по книге. Находившиеся в комнате сыновья поднялись на ноги; им стало неудобно и стыдно чего-то. Они неподвижно, в затылок друг другу стояли перед гробом, опустив глаза. Перед ними поспешно, почти иронически, пел и бормотал пожилой человек, поглядывая небольшими, понимающими глазами на гвардию потомков покойной старухи. Он их отчасти побаивался, отчасти же уважал и, видимо, не прочь был вступить с ними в беседу и даже высказать энтузиазм перед строительством социализма. Но сыновья молчали, никто, даже муж старухи, не крестился, — это был караул у гроба, а не присутствие на богослужении» («Третий сын»).

В системе Станиславского есть понятие, которому Константин Сергеевич придавал большое значение в последние годы: «физическое самочувствие». Правда «физического самочувствия», по Станиславскому, предшествует правде психологии и определяет ее. Платонов точно чувствует правду «физического самочувствия» своих героев: тепло им или холодно, сидят они или стоят, полны утренней силы или устали. Он не терпит в этом никакой приблизительности или условности, хотя и не тратит на эти описания лишних слов. Но иногда он и не жалеет слов, если для максимальной пластичности описания ему нужно передать то, что в театре называется мизансценой. «В окно смотрела внучка Наташа; за спиной у нее, обхватив ручками шею сестры, находился Антошка. Он спал сейчас, положив большую голову на плечо Наташи, так что девочка вся согнулась под тяжестью брата. Одной своей рукой она удерживала обнимавшие ее руки Антошки, чтоб они не разлучились, а другой ухватила за его штанину, чтоб ноги мальчика не висели в воз-

духе и он не сползал вниз. Наташа прислонила брата ногами к завалинке, освободила свою руку и еще раз тихо постучала в окно («Июльская гроза»). Читаешь и физически ощущаешь и вес маленького Антошки, и затекающие руки Наташи, и то, как ей неудобно. Точность описания—поразительная. И словно по Станиславскому — от точного «как» приходит верное «что». Верному слову предшествует точное видение

В годы своей литературной молодости Андрей Платонов, как и многие его ровесники, часто прибегал к «сказовой манере», бывшей тогда в ходу: она давала иллюзию подлинности перенесенных в литературу своеобразных языковых пластов послереволюционной России. Кто в двадцатых годах не писал в этом цветисто-натуральном роде? Писал так и молодой Платонов. Почти анекдотическая яркость речи заменяла и маскировала и отсутствие психологической объемности, и однообразие характеров, и неумелую композицию. Настоящим искусством эта манера стала лишь в произведениях М. Зощенко, во многих рассказах И. Бабеля, в некоторых ранних произведениях Вс. Иванова и Л. Леонова, в поражающих по экспрессии фрагментах эпоса Артема Веселого, но зато у скольких литераторов этот «сказ» выродился в пустую манерность, с трудом ими впоследствии преодолевавшуюся (а многими так и непреодоленную). Андрей Платонов быстро одолел эту моду. Как ни талантливы и ни ярки рассказы и повести раннего периода его работы, лучшее из того, что оставил нам писатель, приходится на вторую половину ее. Именно тогда Платонов стал самим собой — художником удивительной нежности ко всему человеческому, редкой психологической зоркости и прозорливости, гравюрной точности почерка и особенного лиризма, никогда не слащавого, а чуть терпкого, с едва ощутимой горчинкой, будто рябина осенью. Приходится удивляться, как под градом обосновательных критических попреков и не идущих к делу советов писатель вырабатывал свою новую манеру, беспримесно чистую, лишенную подражательности, выразительную без всякой внешней броскости. Для Платонова никогда не существовал вопрос, о чем писать: о темных сторонах жизни или о светлых? Искусственность подобной дилеммы была ему органически чужда. Он писал о всей жизни, окружавшей его, ничего не обходя, ничем не гнушаясь, все

замечая и все освещая чудесным даром своей доброй привязанности к людям, способностью находить поэзию везде, богатым юмором, открывающим в каждом человеке под внешне странным и диковинным безмерную щедрость души.

В одном из писем Горького к писателю Алексей Максимович сделал верное наблюдение. «При всей нежности вашего отношения к людям, они у вас окрашены иронически, являются перед читателем не столько революционерами, как «чудаками»...» Да, конечно, многие герои Платонова, особенно в ранних рассказах, чудачки. Но упрек ли это в устах Горького? Ведь он сам утверждал, что чудачки украшают мир, и описал в своих произведениях великое множество талантливых русских чудачков. Разница между ранним и поздним Платоновым в том, что, описывая вначале чудачков преувеличенной необыкновенности и удивительной яркости, впоследствии писатель, не перестав любить в людях высокое и странное чудачество, уже искал это свойство во всех встречных людях («Вы странный, прекрасный человек!» — говорит Чагатаев Вере в рассказе «Счастье вблизи человека». Заметьте: «странный, прекрасный», а не «прекрасный, но странный»). Можно, пожалуй, также назвать эту общую черту почти всех героев писателя внутренним своеобразием человека. Может быть, постоянная вера Платонова, что все люди чем-то замечательны и по-хорошему не похожи друг на друга, и делает то, что сейчас его проза читается не только из любопытства к прошедшим, описанным им временам и нравам, а с чувством жизненного открытия как наиболее современнейшее в литературе.

В молодом Платонове легко заметить определенные литературные влияния: Гоголь (об этом тоже писал Горький), Салтыков-Щедрин, из современников — Зощенко. Зрелый Платонов похож только на самого себя. Вся его писательская биография — это постепенное и неуклонное выпрямление в себе собственного художнического характера. Редко писатели, даже крупно одаренные и с успехом начинавшие, открывают настоящих самих себя в своих первых произведениях. Чаще они дебютируют подражательно, и очень часто их расхваливаемая оригинальность бывает одеждой с чужого плеча. Быть самим собой — это значит стать самим собой. Многие писатели так и не проходят до конца этого трудного пути к са-

тому себе — и даже писатели, много создавшие и знаменитые. С. Т. Аксаков, писавший в разных жанрах с ранней юности, только в глубокой старости открыл в себе себя. Андрей Платонов этот путь прошел. Было бы неверным сказать, что он во второй половине жизни стал писать проще, чем вначале: дело не в этом. Пожалуй, он стал писать сложнее (я имею в виду не словарь, строение фразы или сюжет). Об одном из героев своих ранних рассказов Платонов сказал: «Думать он не умел, но о многом догадывался». Герои зрелого Платонова научились думать, но думают по-своему, иногда как бы непоследовательно и угловато, но всегда глубоко.

«Работать хорошо...» — говорит одна из героинь Платонова, и кажется, что эту фразу могли бы повторить почти все описанные им люди — большинство героев его страстно и упорно трудятся. И даже влюбленная Фро — один из самых пленительных женских образов нашей богатой замечательными женщинами литературы, — даже Фро, томлящаяся и не находящая себе места от переполняющей ее всю любви, даже эта смешная, жалкая и прелестная Фро, может быть, больше всего томится именно потому, что не умеет найти точку приложения небывалым силам, которые разбудила в ней любовь. Для героев рассказов Платонова труд не суровый долг, не тяжкая обязанность, а первая потребность, такая же, как есть, спать, дышать, а также — страсть и вдохновение. В опубликованных в журналах «Витязна» и «Искусство кино» дневниках Александра Довженко очень много раздумий художника посвящено плоскому пониманию труда. «Как хотите, а по-моему, не надо быть героем, чтобы трудиться, — пишет Довженко, — и доблести особой не надо. Не следует запугивать людей трудом. Труд штука приятная, радостная. Боже мой, как, бывало, выедем в поле рано-рано...» К этим мыслям Довженко возвращается не раз на протяжении многих страничней дневников — он в последние годы ими болел, мучался. Дневники Довженко полемичны, но Платонов без всякой полемичности, как само собой разумеющееся, утверждает радость осмысленного человеческого труда.

В одном из его ранних рассказов «Родина электричества» повествуется, как электрическая энергия пришла после революции в деревню. Рассказ «Песчаная учительница» описывает удивительный трудовой подвиг

сельской учительницы Марии Никифоровны, превратившей пустыню в цветущий сад. «Ему еще долго предстояло жить на свете, работать и быть счастливым», — говорит автор о герое рассказа «Счастье вблизи человека», молодом выпускнике Технологического института Василии Чагатаеве. Без труда жизнь человеческая пуста — так можно сформулировать тему самых разных и непохожих один на другой рассказов Платонова. Переживания отставного машиниста Евстафьева, отца Фро, описаны писателем с сердечным юмором, за которым чувствуется сочувствие и понимание. А страдания бывшего из строя после несчастного случая замечательного машиниста Мальцева (рассказ «В прекрасном и яростном мире») поднимаются до высоты трагедии.

Многие рассказы Андрея Платонова посвящены людям железнодорожного транспорта, чей трудовой быт он отлично знал и любил. Вот автор описывает работу машиниста Мальцева: «Он вел состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним. Глаза Александра Васильевича глядели вперед, как пустые, отвлеченно, но я знал, что он видел ими всю дорогу впереди и всю природу, несущуюся навстречу, — даже воробей, сметенный с балластного откоса ветром вонзающейся в пространство машины, даже этот воробей привлекал взор Мальцева, и он поворачивал на мгновение голову вслед за воробьем: что с ним станет после нас, куда он полетел?» Трудно отделаться от впечатления, что этот отрывок автобиографичен, что писатель персонифицировал в машинисте Мальцеве самого себя, внутренне сопоставив свой тоже «прекрасный и яростный» художнический труд с далекой на первый взгляд от этого труда работой машиниста. Может быть, потому так зримо убедительны рассказы Платонова о людях труда, что он говорит о них не издали, не свысока, а становясь сам техником-монтером, учительницей, паровозным машинистом, не с почтительным восхищением стороннего человека, а просто, по-свойски, как их товарищ. На следующей странице рассказа эта скрытая и ненавязчивая автобиографичность становится очевидной.

Обнаруживается и спрятанная причина ее — скромность. Вряд ли Андрей

Платонов решился бы от своего имени на признание, которое он делает, говоря о машинисте Мальцеве. «Он чувствовал свое превосходство перед нами, потому что понимал машину точнее, чем мы, и он не верил, что я или кто другой может научиться тайне его таланта, тайне видеть одновременно и попутного воробья, и сигнал впереди, ощущая в тот же момент путь, вес состава и усилие машины... И Мальцеву поэтому было грустно с нами; он скучал от своего таланта, как от одиночества, не зная, как нам высказать это, чтобы мы поняли». Что ж, бывают и такие раздумия у талантливых людей, будь они машинисты или сочинители рассказов. Как мы видим, автор одаряет своего Александра Васильевича собственной умной сложностью, и думается, он прав. Передавая ему свои очень личные сомнения, писатель выказывает ему высшую степень уважения и выдает душевную нераздельность автора и героя. Понимание мира, понимание своего дела, властная уверенность в своем умении, прекрасная и яростная страстность во всем, что делаешь,— вот главные черты почти всех героев зрелого Платонова, сменивших былых озорных и «полоумных» (тоже выражение Горького) персонажей его молодой прозы.

Начав как сатирик-бытописатель, Андрей Платонов завершил свой писательский путь как поэт человеческого сердца, как художник-психолог. Ему удалось то, что удавалось не всем,— уйти от своей ранней, яркой манеры, принесшей ему первое признание. Отказавшись от преимущественно сатирического взгляда на мир, он не утратил дар юмора, но его уместка стала улыбкой, иногда светлой, а иногда и печальной. В одном из лучших его рассказов— в «Возвращении», который с первой до последней строки читаешь с комком в горле, в этом одновременно светлом и горестном рассказе о бедах и травмах прошедшей войны есть замечательная сценка ночного объяснения между вернувшимся с фронта домой мужем и изменившей ему— по горькому стечению обстоятельств— женой.

«Алеша, ты не шуми, дети проснутся,— тихо говорила мать.— Не надо его ругать, он добрый человек, он детей твоих любил...» — «Не нужно нам его любить,— сказал отец.— Я сам люблю своих детей... Ишь ты, чужих детей он любил!..» Если бы этот диалог прозвучал в театре, в зрительном зале обязательно раздался бы смех. Да, смех!

Правда, он сразу бы умолк, но все же он был бы, и художественной неправдой стало бы, если бы этот смех не раздался. Смешное и нелепое рядом с трагическим. Так бывает в жизни. Что это? Зачем? Расчетливый эффект искусства светотени или правда жизни? И то и другое. Но какая безошибочная смелость!

То, что можно назвать функцией юмора, в лучших, зрелых рассказах Платонова очень сложно, как сложно сочетание в них мажора и минора, света и тени. «Ей казалось, что в музыке печаль и счастье соединены неразлучно, как в истинной жизни, как в ее собственной душе» («Фро»). Вспомним описание танца Фро с маневровым диспетчером, персонажем, которому автор не дал даже собственного имени. «Фрося ближе склонила голову к груди диспетчера, он видел под своими глазами ее пышные волосы в старинной прическе, и эта ослабевшая доверчивость была ему мила и приятна. Он гордился перед народом. Он даже хотел ухитриться осторожно погладить ее голову, но побоялся публичной огласки. Кроме того, в публике находилась его сговоренная невеста, которая могла ему сделать потом увечье за близость с этой Фро. Диспетчер поэтому слегка отпрянул от женщины ради приличия, но Фро опять прилегла к его груди, к его галстуку, и галстук сдвинулся под тяжестью ее головы в сторону, а в сорочке образовалась ширинка с голым телом. В страхе и неудобстве диспетчер продолжал танец, ожидая, когда музыка кончит играть. Но музыка играла все более взволнованно и энергично, и женщина не отставала от своего обнимающего ее друга. Он почувствовал, что по его груди, оголившейся под галстуком, пробиваются щекочущие капли влаги— там, где растут у него мужественные волосы. «Вы плачете?»— испугался диспетчер. «Немножко,— прошептала Фро.— Отведите меня к двери. Я больше не буду танцевать». Почти зошенковский анекдотический жанризм и щемящая лирическая нота тоски Фро. Надо быть большим мастером, чтобы с таким тактом (в искусстве такт называется вкусом) сочетать так непринужденно и естественно столь разнородные стилевые элементы. Что же это такое— тончайший артистический расчет или «странная и прекрасная» правда жизни? Опять же— и то и другое.

Хочется сказать еще об одной черте художника: его мир не однотонен, а резко

контрастен. В нем рядом, вблизи друг от друга люди умирают, любят, плачут, смеются, едят блины, читают бессонными ночами книги, скучают до зевоты и совершают подвиги самопожертвования. В рассказе «Третий сын» взрослые сыновья, приехавшие на похороны старушки матери, затевают ночью шутилку возню и хохочут, припоминая свои детские проказы. Это могло бы показаться дурным анекдотом о человеческой бессердечности, но под пером у Платонова это становится поэтическим выражением торжествующего колдовства вечно юной жизни над смертью. Это, бесспорно, один из лучших и самых «светлых» (рассказ о смерти!) рассказов Андрея Платонова. С каким тонким контрапунктическим музыкальным мастерством в нем проходит несколько тем: тема старика, мужа покойной, тема девочки и тема третьего сына! Подробно пересказывать его невозможно, невольно тянет цитировать.

Писатель умеет остановить наше внимание на мимолетном и забавном, растрогать, заставить смеяться или вдруг затануть дыхание перед неожиданным поворотом сюжета и властно принудить нас сделать вслед за собой строгий и точный вывод из только что рассказанного. Именно таким выводом заканчивается рассказ «Возвращение». «Он узнал вдруг все, что знал прежде, гораздо точнее и действительней. Прежде он чувствовал жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем». Таков моральный итог рассказа. В ином, не платоновском контексте он мог бы выглядеть дидактическим довеском, но писатель и здесь стоит выше мелких ухищрений ремесла — он не боится ничего и в том числе того, что принято называть морализированием или дидактикой. Перечтите еще раз этот маленький кусочек. В нем говорится о том, что перечувствовал капитан Иванов, герой рассказа, в самый острый момент своей простой и трудной жизни, но разве не то же самое чувствуем и мы, читатели Андрея Платонова, также только что узнавшие из рассказа то, что знали прежде, но «гораздо точнее и действительней», как бы коснувшись в нем жизни тоже без всяких преград своим «обнажившимся сердцем». Так часто бывает у писателя: мужество и точность его психологических формулировок просятся

стать афористическим выражением формулы его искусства.

У Платонова много рассказов о детях. Показ мира глазами ребенка — один из самых соблазнительных (и благодарных) литературных приемов. Чаще всего это делается далеко с не детскими целями: в наши дни то, что может быть названо инфантилизмом — это последовательное и цельное мировосприятие, а иногда даже философия. Одолев поток рассказов, повестей и романов, героями которых являются дети, почти с предубеждением начинаешь читать детские рассказы Андрея Платонова, ожидая встретить все то, что уже порядком приелось в последнее время, и какое освежающее и неожиданное «разочарование» — и здесь писатель не похож ни на кого, кроме самого себя. Его дети гораздо менее инфантильны, чем герои иных повестей из студенческой жизни: это маленькие люди-человеки, по-своему ответственные за собственный огромный до необходимости умный и серьезный мир. Таков и не по годам зрелый Петрушка из «Возвращения», и маленький Афоня с его бесконечными вопросами, и Артем, для которого короткий путь от маминого передника до школьного крыльца полон захватывающими приключениями и опасностями. И любимые героини писателя очень любят детей — и задумчивая Ольга, и непонятная Фро. Чувствуется, что любит их и сам писатель. Любит и понимает по-своему. Отсюда особая, ни с чем не сравнимая «платоновская» свежесть его детских рассказов.

Русская литература знает чудесные произведения, где героями были собаки и лошади. Платонов, кажется, первым написал рассказ о корове. Он так и называется — «Корова». Пусть не покажется это дешевой остротой — это один из самых человеческих рассказов писателя.

А платоновские старики и старухи... Впрочем, идя по этому пути, нам придется перебрать все литературное «хозяйство» писателя.

Вышедшая в конце прошлого года книга избранных рассказов Андрея Платонова составлена значительно лучше, чем предыдущая, выпущенная пять лет назад. В сборнике нет слабых вещей, включенных ради «темы», и торопливых очерковых набросков военных лет. В него вошли и произведения, ранее не перепечатывавшиеся в прежних сборниках Платонова, и в том числе замечатель-

ный рассказ «Возвращение» («Семья Ивановых»), несправедливо раскритикованный после первой журнальной публикации. Бережно собранная и снабженная серьезной вступительной статьей В. Дорофеева, выпущенная сравнительно большим тиражом, книга эта — хороший подарок чашим читателям. Не хочется повторять затасканной цитаты и говорить, что эта небольшая книжка «томов премногих тяжелей», но что правда, то правда. Прошли годы, много когда-то высоко возносимых произведений стгнуло в безвестность, а рассказы Андрея Платонова, как зимнее яблоко, стали как бы еще пахучее и крепче.

Но, перелистывая книгу, вместе с законным чувством радости и гордости за то, что родная наша литература вырастила такого тонкого, проникновенного и доброго художника, с горечью задумываешься и над тем, что Андрей Платонов не дал нам всего, что он мог дать по силе своего дарования. Вот, например, этот пресловутый рассказ «Возвращение», о котором так много в свое время писалось, — ведь это же один из лучших в сборнике, где почти нет слабых рассказов. Правдивый и превосходный по мастерству, рассказ этот из какой-то преувеличенной осторожности не был даже включен в предыдущий сборник писателя. В свое время его обвинили в искажении жизни, в подчеркивании черных сторон действительности, в «оглулении» (был и такой «критический» термин) советских людей. Перечитываешь сейчас рассказ и диву даешься — с какого потолка все это было взято? Может быть, следует с большей свободой перечитать и другие ранее не опубликованные или «осужденные» произведения Платонова? Зная теперь весь путь честного, искреннего советского писателя Андрея Платонова до конца, как-то не очень веришь, что он был способен на «элорадное глумление» и прочее разное, в чем его в свое время обвиняли. Разумеется, это не значит, что Платонов был совершенным праведником, не сделавшим никогда ни одной ошибки. Так, например, однажды он написал слабый, слащавый и психологически приблизительный рассказ «Бессмертие», и его тогда за него очень хвалили. Вероятно, были у него и другие ошибки, в том числе и в ранних произведениях, но, право же, неизмеримо меньше, чем это ему приписывалось.

У меня сохранилось в памяти большое литературное собрание в середине тридцатых годов под председательством М. Горького. Это было уже после Первого съезда писателей — видимо, какой-нибудь открытый пленум правления ССП. Один из выступавших резко бранил А. Платонова, называя его рассказы бессмысленным кривлянием и злонамеренным юродством. Звучали и такие слова, как «клевета» и «злопыхательство». Уж не помню, какие именно рассказы писателя имелись в виду, но хорошо помню во время этой речи лицо Горького, на котором было явное выражение неодобрения и какой-то хмурой скуки. Он сидел, подпер кулаком подбородок и смотрел не на говорившего, а куда-то вбок и вверх. Незадолго до этого Горький писал Платонову: «Пишете вы крепко и ярко...» Не знаю, был ли на собрании сам Платонов, но я на всю жизнь запомнил выражение тоскливой скуки на лице Горького. Не я один обратил на это внимание. Кто-то сидевший сзади сказал со вздохом: «Да, постарел Алексей Максимович!..» Но дело было вовсе не в том, что он постарел. Он был откровенно недоволен, и это его старило.

Платонова бранили часто — и в начале тридцатых годов, и в середине тридцатых, и в середине сороковых — и редко издавали. Но не писать он не мог: не печатали рассказы — он возвращался в журналистику как очеркист и литературный критик. В конце тридцатых годов А. Платонов напечатал более сорока критических статей, многие из которых превосходны и заслуживают быть собранными вместе. Любопытно, что, насквозь русский по характеру дарования и, так сказать, по тембру своего художнического голоса, обладавший удивительным чувством родного языка и той интонацией, которая сама художество и едва ли переводима, Платонов вовсе не чурался знакомства и внимательного изучения больших зарубежных писателей-современников: Хемингуэя, Стейнбека, Колдуэлла, Олдингтона и других. Он писал о них с восхищением и благодарностью, но подражать им не искался.

Высшей мерой глубины содержания, вкуса, широты охвата темы, сопряжения подробностей и целого, уровня моральной высоты для зрелого Платонова был Пушкин. Надо надеяться, что его полузабытая статья о нем будет когда-нибудь переиздана. В ней

много неожиданных и глубоких мыслей: о поэте и декабристах, о «Медном всаднике», о пушкинском понимании трагического, о тайне неисчерпаемости пушкинского вдохновения и еще о многом другом, но я хочу здесь привести из нее всего одну фразу — в ней и платоновское понимание Пушкина, и его собственный этический идеал: Пушкин «хотел, чтобы ничто не мешало человеку изжить священную энергию своего сердца, чувства и ума». К этому же стремился и писатель Андрей Платонов.

И еще одна цитата. В конце 1938 года безвременно и неожиданно умер друг писателя, талантливый пародист-сатирик Александр Архангельский. В небольшой статье-некрологе о покойном А. Платонов писал: «Художество без темы, и темы обязательно значительной, художество без человеческой глубины, которую истинный писатель имеет, во-первых, в своей собственной натуре и, во-вторых, придает изображаемым характерам,— такое художество есть род наивности или мошенничества». В этой не знающей оговорок категоричности — весь Платонов.

Я нарочно перемежаю беглый разбор рассказов Платонова некоторыми его критическими и публицистическими высказыва-

ниями. Платонов никогда не писал о том, к чему он был равнодушен, и редко как критик — о том, что ему не очень нравилось. Поэтому его эстетика удивительно тесно совпадает с его творчеством. Платонов-критик помогает понять до конца Платонова-художника.

Обычно его книги называются просто: Андрей Платонов. «Рассказы». Или — «Избранные рассказы». Это хорошо, потому что ясно и коротко. Но они могли бы быть названы и иначе. В бумагах писателя сохранилась страничка с планом его новой, неосуществившейся книги под названием «У человеческого сердца». Впрочем, пожалуй, самым лучшим названием сборника произведений А. Платонова было бы название одного из них: «В прекрасном и яростном мире». Выразительнее и точнее ничего придумать невозможно, ибо прекрасный и яростный мир — это и есть мир, созданный и населенный Андреем Платоновым.

И последнее. Не пришло ли время выпустить большой однотомник А. Платонова, включающий и лучшие из ранних произведений писателя, и избранные очерки, и самые интересные критические статьи?

Очень хочется поставить наконец такую книгу на свою полку.

М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. 289 стр. Цена 1 р. 40 к.
Э. Добльхофер. Знаки и чудеса. Перевод с немецкого. 386 стр. Цена 1 р.
В. В. Иванов. Хеттский язык. 221 стр. Цена 65 к.
Р. Исмагилова. Народы Нигерии. 274 стр. Цена 1 р.
Новейшая история Вьетнама. Сборник статей. 194 стр. Цена 65 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Герберт Аптенер. Американский негр сегодня. Перевод с английского. 130 стр. Цена 41 к.
Голоса трех тысяч островов. Стихи индонезийских поэтов. Перевод с индонезийского. 319 стр. Цена 63 к.
Родолуб Чолакович. Записки об освободительной войне. Сокращенный перевод с сербского. 789 стр. Цена 1 р. 78 к.

«ИСКУССТВО»

А. Н. Анастасьев и др. Новаторство советского театра. 420 стр. Цена 1 р. 22 к.
Б. Брехт. Театр (Пьесы. Статьи. Высказывания). В 5-ти томах. Том I. 511 стр. Цена 1 р. 30 к.
Н. М. Горчаков. Работа руководителя театрального коллектива с исполнителями. 108 стр. Цена 28 к.
Л. А. Жадова. Современная керамика Узбекистана. 180 стр. Цена 1 р. 12 к.
Н. М. Молева, Э. М. Белютин. Русская художественная школа первой половины XIX века. 409 стр. Цена 5 р.
Очерки истории русской советской драматургии. В 3-х томах. Том I. 604 стр. Цена 2 р. 6 к.
Ю. М. Юрьев. Записки. В 2-х томах. Том I. 659 стр. Цена 2 р.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Богатства Сибири — на службу коммунизму. 232 стр. Цена 43 к.
Н. Данилевская. Судьба музыканта. Повесть. 152 стр. Цена 34 к.
Б. Костюковский. Судьба друга. Повесть. 176 стр. Цена 31 к.
В. Крюков. Творцы и пророки. Роман. 272 стр. Цена 59 к.
М. Лапидус. Открыватель подземных тайн. 384 стр. Цена 45 к.
С. Леонов. Познать ближнего. Роман. Книга I. 184 стр. Цена 45 к.

К. Лисовский. На разных широтах. Стихи. 80 стр. Цена 12 к.
Е. Любанов. Накануне счастья. Повесть. 152 стр. Цена 39 к.
А. Мусатов. Твердый шаг. Рассказы. 288 стр. Цена 46 к.
Л. Почивалов. Встречи и расстояния. 144 стр. Цена 16 к.
Н. Соколов. В дождик под радугой. Стихи. 104 стр. Цена 13 к.
А. Тараданкин. Пограничная полоса. Повесть. 184 стр. Цена 29 к.

ГОСЮРИЗДАТ

Л. М. Азов. Авторский гонорар за издание литературных произведений. 64 стр. Цена 6 к.
Правовые вопросы охраны природы в СССР. Сборник статей. 332 стр. Цена 1 р. 7 к.
Развитие марксистско-ленинской теории государства и права XXII съездом КПСС. Сборник статей. 304 стр. Цена 91 к.
В. Р. Скрипко. Порядок обмена и раздела жилой площади. 60 стр. Цена 5 к.
К. Г. Федозов. Союзные органы власти (1922—1962). 193 стр. Цена 61 к.

ВОЛГОГРАДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. М. Богомолов. Юность инженеров. Повесть. 112 стр. Цена 31 к.
С. С. Мантуров. Из революционного прошлого Камышина. 148 стр. Цена 28 к.

КРАСНОЯРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. А. Урин. Железный анст. По дорогам Красноярского края. Путевые очерки и стихи. 275 стр. Цена 77 к.
Р. Р. Шафиев. Чтобы увидеть звезды. Повесть. 131 стр. Цена 20 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. П. Кожевников. Гибель дракона. Роман. 467 стр. Цена 91 к.
В. А. Стариков. На Байкале. Рассказы. 183 стр. Цена 43 к.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. В. Чумак. Прапор. Избранное. 256 стр. Цена 54 к.
Щедрые люди. Сборник очерков. 136 стр. Цена 21 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**

Редакционная коллегия:

Е. Н. Герасимов, А. Г. Дементьев (зам. главного редактора), **Б. Г. Зак** (ответственный секретарь), **А. И. Кондратович** (зам. главного редактора), **В. Я. Лакшин, А. М. Марьямов, В. В. Овечкин, К. А. Федин**

Редакция: Москва Центр. Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
 Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.
 Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются.

Сдано в набор 14/X-63 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 19/XI 1963 г.
 А 07084. Формат бумаги 70×168^{1/2}. 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 113.000.
 Зак. 1905

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
 имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва. Пушкинская пл., 5.